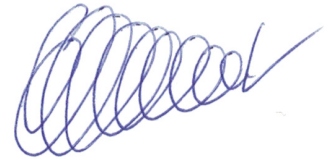

На правах рукописи

Матвеев Евгений Вячеславович

**ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ
(1974–1992): «ОРГАНИЗОВАННОЕ ЧТЕНИЕ»
В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.6.1 (07.00.02) – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2022

Работа выполнена на кафедре междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель – Янковская Галина Александровна
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: Нагорная Оксана Сергеевна
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Фокин Александр Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
доцент Школы исследований окружающей среды и общества ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Защита состоится «03» июня 2022 г., в 14:00 часов, на заседании диссертационного совета 24.2.437.04 (Д 212.298.13) при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/24243704-d-21229813/matveev-evgeniy-vyacheslavovich>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интерес к институтам, характерным для позднего советского периода, возрастает как в академических кругах, так и за их пределами. Сегодня создаются профильные группы исследователей, реализуются научные проекты, выходят монографии и статьи, проводятся специализированные конференции, посвященные социальным, экономическим и политическим институтам времен завершения социалистического проекта. В то же время феномены позднего советского периода находятся в фокусе внимания авторов научно-популярных, медийных проектов, широкого круга интернет-пользователей, которые используют всемирную сеть для коммуникации, связанной с прошлым. Кроме того, всё больший интерес к позднесоветскому периоду проявляет государство, которое все чаще прибегает к ревитализации советских форматов в социально-политической сфере, в частности, в виде системной поддержки масштабных массовых инициатив. Такое положение объясняется несколькими факторами.

Во-первых, возникла достаточная временная дистанция: многие процессы, начавшиеся в поздний советский период, завершились, что позволяет проводить ретроспективный анализ. Во-вторых, методологические повороты, повлиявшие на развитие исторической науки, существенно расширили инструментарий и проблематику исследований прошлого. Дополнительным катализатором для изучения позднего советского периода стала отмена сдерживающих ограничений вроде цензуры, идеологических установок, режима секретности для фондов архивов и библиотек. В оборот вводятся неопубликованные прежде документальные источники, исследователям становятся доступны новые типы свидетельств прошлого: устные интервью, цифровые воспоминания участников событий и т.д. Фактором развития как научной, так и повседневной коммуникации по поводу 1960–1980-х гг. становится и то обстоятельство, что в современном российском обществе сосуществуют как поколения, которые являются носителями позднесоветского опыта, так и те, что его не имеют.

Однако внимание к позднему советскому периоду распределено неравномерно, вне фокуса остаются множество сюжетов. К таковым относится деятельность добровольных массовых организаций. Остаются неясными механизмы работы данных структур, мотивация участников и т.д. В этом контексте особого внимания заслуживают общества, сформированные именно на этапе позднего социализма. Одним из таких являлось Всесоюзное общество любителей книги (1974–1992).

Степень научной изученности темы. Работа массовых общественных организаций в 1960–1980-е гг., опыт участия в них советских людей, являются актуальными научными проблемами, еще недостаточно изученными в историографии. Специфика проблематики задаёт комплексный характер историографии.

Во-первых, в историографию включены издания, связанные с анализом позднесоветского социального опыта. 1990-е гг. были временем формирования интереса к данной проблематике со стороны исследователей. Этот процесс происходил на фоне деидеологизации знания, а также под влиянием методологических поворотов в исторической науке. В это время расширялась база источников: ряд традиционных документальных свидетельств пополнился дневниками, письмами, устными интервью, новыми архивными данными; выходили немногочисленные, но знаковые для историографии работы¹.

Начало 2000-х гг. стало отправной точкой для возрастания интереса академического сообщества в России и за рубежом к позднесоветскому периоду. Настроение исследователей выразил британский историк Э. Бэкон, призвавший к «переоценке Брежнева», к отказу от использования клише «застой»: «Где же великие труды, посвященные этому человеку и его времени? <...> 20 лет – достаточная временная дистанция, чтобы начать переоценку этого периода»².

¹ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М., 2002., Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. – Cambridge, 1998.

² Brezhnev Reconsidered / Bacon E. (ed.), Sandle M. (ed.). – London, 2002. – P. 1.

Темами для анализа позднего советского социального опыта в дальнейшем становились такие разные социальные явления как очереди³, вещи⁴, кино⁵, юмор⁶, рок-н-ролл⁷, городские легенды⁸, автобиографии⁹, праздники¹⁰, участие людей в больших государственных проектах¹¹ и т.д. Свидетельством внимания к позднему социализму являются резонансные научные конференции, коллективные монографии, специальные номера журналов¹².

Волна интереса к социальному опыту советского человека периода позднего социализма часто носит характер переоткрытия, пересмотра прежних мнений. Выражением такой позиции служит реплика американского исследователя Д. Рейли: «Западное представление о том, что всех советских людей можно разделить на твердокаменных (или лицемерных) коммунистов и диссидентов, на самом деле не соответствует куда более сложной и более разумной реальности»¹³. Книга Д. Рейли в этом плане показательна: она

³ Николаев В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 5 (43). – С. 55–61.

⁴ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. – М., 2006.

⁵ Rojavin M., Harte T. Soviet Films of the 1970s and Early 1980s Conformity and Non-Conformity Amidst Stagnation Decay. – London, 2021.

⁶ Klumbite N. Soviet Ethical Citizenship: Morality, the State, and Laughter in Late Soviet Lithuania / Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964-1985 / N. Klumbyte (ed.), G. Sharafutdinova (ed.). – Lanham, 2013.

⁷ Zhuk S.I. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960-1985. – Baltimore, 2010.

⁸ Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. – М., 2020.

⁹ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005.

¹⁰ Келли К., Сиротина С.С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 258–299.

¹¹ Ward S. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. – Pittsburgh, 2009.

¹² Brezhnev Reconsidered / Bacon E. (ed.), Sandle M. (ed.). – London, 2002; Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Длинные 70-е: советское общество в 1968–1982 годы. – 2007. – № 2 (52). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2> (дата обращения: 11.09.2021); Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985 / N. Klumbyte (ed.), G. Sharafutdinova (ed.). – Lanham, 2013; Раздел «Семидесятые в закрытом обществе: в контексте советского дискурса» в журнале Новое литературное обозрение № 123 за 2013 год. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123> (дата обращения: 11.09.2021); Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era Ideology and Exchange / Fainberg D. (ed.), Kalinovskiy A.M. (ed.). – Lanham, 2016.

¹³ Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. – М., 2015. – С. 339.

посвящена советским бейби-бумерам – первому послевоенному поколению. Для этого и некоторых других зарубежных авторов было характерно особое внимание к социальному опыту возрастной группы, названной экономистом Д.Я. Травиным «семидесятниками» – теми, кто жил и сформировался в период от оттепели до перестройки¹⁴.

В этом контексте важной для данной работы является книга российско-американского исследователя А.В. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение»¹⁵. Свои рассуждения исследователь строит на основе анализа позднего советского авторитетного дискурса и его отражения в повседневной жизни 90 млн молодых людей, обозначенных через категорию «последнего советского поколения». На этой основе исследователь делает несколько концептуальных предположений: о перформативном сдвиге, «сообществах своих», вненаходимости.

Смысл существования позднего советского дискурса, согласно ученому, заключался в копировании и воспроизведении формы, а любое высказывание имело амбивалентную природу, включающую констатирующий и перформативный смыслы. Они были неотделимы друг от друга. В условиях постоянного воспроизведения формы – перформативной составляющей, она «застывала»: интертекстуализировалась и гипернормализировалась, а пространство констатирующего смысла оставалось свободным для наполнения. Воспроизведение формы являлось залогом стабильности режима и свободы интерпретаций со стороны советского человека.

Носителями дискурса являлись «нормальные» советские люди, которые, согласно А.В. Юрчаку, сочетали в своей жизни формальное подчинение официальному дискурсу с реализацией собственных устремлений и планов. Они изымали себя из-под прямого влияния идеологии, но не вставали в ряды сопротивления ей. Такие поля представляли собой пространства вненаходимости – позиции, где человек был одновременно не за и не против

¹⁴ Травин Д.Я. Семидесятнудые – анализ поколения. – СПб., 2011.

¹⁵ Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014.

власти. Здесь люди воспроизводили схожие практики – повторяли форму, наполняя ее ситуативным, смыслом, что «способствовало повсеместному созданию обществ своих»¹⁶.

Работа А.В. Юрчака сыграла важную роль в разработке вопроса о специфике 1970–1980-х гг. в истории советского социума. Концептуальный вопрос о генезисе и предпосылках распада СССР распадается на ряд более конкретных. В контексте антропологического поворота в гуманитаристике, одной из самых интенсивных дискуссий в историографии оказалась полемика о конструировании советской субъективности.

Важной для диссертационного исследования в этом отношении является работа О.В. Хархордина «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности»¹⁷. Она стала одной из первых попыток анализа не только раннего советского или сталинистского субъекта, но и поздней советской индивидуальности. По мнению этого автора, в годы сталинизма на первом месте были практики обличения и отлучения, затем на первое место вышло увещание через насаждение горизонтального коллективного надзора. О.В. Хархордин утверждал, во-первых, что советская индивидуальность уже в 1960-е стала настолько зрелой, что техники обличения пронизывали не только формальные практики, но и стали обычным повседневным элементом. Во-вторых, официальные практики обличения рутинизировались и ритуализировались, что приводило к отношению к официальному «Я» – результату долгой работы в период сталинизма – как к данности. В-третьих, обличение в этих условиях уходило на второй план, уступая место другому процессу индивидуализации – отличию. Последнее способствовало появлению множества неформальных сообществ¹⁸, с помощью принадлежности к которым, либо в рамках которых можно было отличаться.

¹⁶ Юрчак А.В. Идеология наизнанку. Этика и поэтика. Поздний СССР: воспроизводство идеологии и публики своих. URL: <http://gefter.ru/archive/14639> (дата обращения: 11.09.2021).

¹⁷ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб., 2002.

¹⁸ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб., 2002. – С. 448.

Исследователь определяет два вида отличия в позднее советское время: через творчество и потребление¹⁹.

Проблематика потребления как формы самовыражения советского человека, механизмов социального регулирования, способов коадаптации власти и общества в период позднего социализма также привлекает внимание исследователей. Так, согласно российско-американской исследовательнице Н. Чернышовой, потребление – «это лакмусовая бумажка, которая раскрывает стратегии, позволяющие сосуществовать человеку и государству»²⁰ в период позднего социализма. Оно становилось «инструментом для выражения и “чтения” идентичности»²¹. Высокую оценку потреблению как инструменту индивидуализации придавали также А. Парецкая²² и А.С. Иванова²³.

Исследователи находят и другие пространства взаимной реализации интересов власти и общества. Так авторы коллективной монографии «Острова утопии» (2015), приходят к выводу, что позднесоветская система образования выполняла функцию сближения масс с режимом. Одновременно в ее границах существовали «серые зоны» – пространства «формирования мобилизационного сознания»²⁴, где допускаются «отклонения от “генеральной линии” или сама эта линия перетолковывается»²⁵.

Внимание исследователей к социальному опыту человека периода позднего советского времени обнаруживает буферные пространства дозволенных автономий, в границах которых при выполнении определенных условий люди могли действовать самостоятельно, проявлять свою индивидуальность. В то же время недостаточно проанализированы аспекты потребления культуры, мотивы и модели участия граждан в больших

¹⁹ Хархордин О.В. Указ. соч. – С. 453-454.

²⁰ Chernyshova N. Soviet consumer culture in the Brezhnev era. – London, 2013. – P. 10.

²¹ Chernyshova N. Ibid. – P. 13.

²² Paretskaya A. The Soviet Communist Party and the Other Spirit of Capitalism // Sociological Theory. – 2010. – Vol. 28, no. 4. – Pp. 377–401.

²³ Иванова А.С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. – М., 2017.

²⁴ Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). – М., 2015. – С. 611.

²⁵ Там же. – С. 611.

позднесоветских проектах, формальных и неформальных сетевых структурах, инициированных властью, культурной, народной дипломатии, система социальных лифтов, способы накопления социального и культурного капитала и т.д.

Во-вторых, к историографии относятся исследования по истории чтения и книги, эволюции читательской культуры в СССР в 1960–1980-е гг. Во многом ситуация в современной историографии в данном разделе связана с развитием исследований на советском этапе. Наиболее развитым направлением к концу 1980-х гг. являлась социология чтения и литературы. В.Д. Стельмах, А.И. Рейтблату, Б.В. Дубину, Л.В. Гудкову, Н.Е. Добрыниной, М.Д. Смородинской, М.Д. Афанасьеву и другим экспертам в этих вопросах удалось в течение 1960–1980-х собрать материал, позволивший на закате социализма провести глубокий анализ читательской культуры. В своих работах социологи обращались к ключевым характеристикам позднесоветского чтения: книжному буму и дефициту, чёрному рынку, месту чтения в бюджете свободного времени, иррациональным мотивам потребления книги, соотношению книги и малых печатных форм – газет, журналов, а также печатного слова и других медиа – радио, кино и телевидением и т.д.

Работы социологов чтения, изданные в 1990–2000-е гг., маркировали новое состояние изучения чтения. Если прежде исследователи были вынуждены прибегать, к примеру, к анализу библиотечной статистики, которая была наиболее доступна, то «архивная» революция вместе с упразднением цензуры существенно расширили спектр источников и тем, позволили открыто сравнивать большие объёмы информации по разным историческим периодам.

Важной для понимания эволюции позднесоветской читательской культуры является работа российско-американского исследователя Е.А. Добренко²⁶, поставившая вопрос о «формовке» советского читателя в 1920–1930-е гг. В ней был аргументирован вывод о том, что эти процессы являлись важным

²⁶ Добренко Е.А. Формовка советского читателя. – СПб., 1997.

компонентом более глобального проекта – формирования нового советского человека.

В центре исследования британского историка С. Ловелла оказались предпосылки и эволюция советского читательского проекта. Автор пишет том, каким образом государство с 1930-х гг. взяло курс на гомогенизацию населения с помощью чтения, что не соотносилось с желаниями читателей и активными процессами дифференциации внутри общества в послесталинский период на фоне «переоткрытия приватности»²⁷.

Спектр тем современных авторов разнообразен: они анализируют читательские предпочтения в 1960–1980-е гг.²⁸, макулатурный эксперимент²⁹, особенности функционирования книжной индустрии³⁰, региональные аспекты реформы системы издательств во второй половине 1960-х³¹, дизайн советских книг³² и т.д. В данных исследовательских проектах отражены тенденции в сфере чтения в позднесоветское время и на начальном этапе перехода к рынку: обозначены главенствующая роль государства в планировании и выпуске литературы, структура и порядок распределения печатной продукции, уделено внимание генезису позднесоветской читательской культуры. Однако внимание к читательским объединениям и коллективным читательским практикам «маленького» человека, несмотря на ориентир на изучение массового чтения, остается незначительным.

В-третьих, историография включает литературу, характеризующую советскую культурную политику.

²⁷ Lovell S. *The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras.* – London, 2000.

²⁸ Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).* – 2010. – № 3. – С. 65–69.

²⁹ Pristed B.B. *Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91* // *The Russian Review.* – 2019. – Vol. 78, Issue 1. – Pp. 120–140.

³⁰ Горшков Ю.А. Анализ развития малого предпринимательства в советском книгоиздании // *Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела.* – 2005. – № 1. – С. 204–213.

³¹ Штолер А.В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры.* – 2011. – № 3. – С. 99–107.

³² Pristed B.B. *The New Russian Book: A Graphic Cultural History.* – Cham, 2017.

К пионерам современной историографии о политике в области культуры в позднем СССР следует отнести Д. Кречмара. Важным для его исследования является тезис, согласно которому на этом этапе степень культурно-политического администрирования снижалась, что приводило к переходу от управляемой культуры к культуре «диалогической, самоуправляемой»³³. В этом пространстве советские интеллектуалы, если они соблюдали «неписанные законы», к примеру, не имели дел с самиздатом и тамиздатом, получали «эффективное свободное пространство»³⁴.

В большинстве современных исследований позднесоветская культура выглядит как пространство компромиссов: с одной стороны, авторы склонны признавать усиление контроля со стороны государства³⁵, характеризуют консервативный курс культурной политики. С другой стороны, отмечается, что «вопреки идеологическим установкам»³⁶, в результате ослабления контроля и ритуализации практик³⁷ нарастало многообразие и многофакторность в развитии сферы культуры. В итоге внутри советской культуры, несмотря на централизацию и бюрократию, с 1960-х гг. существовала и расширялась обширная полутеневая зона, в которой «постепенно разворачивалась собственная содержательная культурная жизнь, не поддающаяся функционально-определенному контролю со стороны партийно-идеологических органов»³⁸. Исследования политики в сфере культуры во многих вопросах пересекаются с историографией о советском социальном опыте. Позднесоветские масштабные культурные инициативы, такие как Всесоюзное общество книголюбов, в этом контексте требуют дополнительного внимания.

³³ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. – М., 1997. – С. 212

³⁴ Кречмар Д. Указ. соч. – С. 213.

³⁵ Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. – Ижевск, 2012.

³⁶ Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности: середина 60-х – середина 80-х годов XX века : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02. – Казань, 2009. – С. 41.

³⁷ Нарский И.В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло. – М., 2018.

³⁸ Время, вперед! Культурная политика в СССР / под. ред. Глущенко И.В., Куренного В.А. – М., 2013. – С. 30.

В-четвертых, к историографии относятся работы по истории массовых советских добровольных обществ в целом и ВОК, в частности. К важным для данного исследования выводам работ еще советского периода следует отнести тезис о тесной иерархичной связи властных органов и добровольных обществ. Так, правовед Ц. А. Ямпольская обращала внимание на прямую зависимость общественных организаций от партийно-государственных структур на основе делегирования последним «государственно-правовых» полномочий, без которых работа могла стать «пустым звуком»³⁹; в том же ключе рассуждал А.И. Щиглик⁴⁰.

На постсоветском этапе историки отдавали предпочтение изучению начального этапа эволюции института советских общественных организаций, который пришелся на 1920–1930-е гг. В истории конкретных организаций исследователи вычленили универсальные принципы, характерные для функционирования добровольных обществ в СССР. Так Т. П. Коржихина в серии исследований⁴¹ прослеживала процесс установления контроля над обществами и союзами в 1920–1930-е гг. на фоне политизации культуры и науки. Установленные процедуры контроля и бюрократизация привели к возникновению специфического формата массовых обществ, который в дальнейшем тиражировался советской властью. На разном конкретно-историческом материале такого рода эволюцию общественных организаций в довоенное время рассматривали В.В. Фортунатов⁴², И.Н. Ильина⁴³, О.Ю. Никонова⁴⁴.

³⁹ Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. – М., 1965. – С. 12.

⁴⁰ Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. – М., 1977.

⁴¹ Коржихина Т.П. История добровольных обществ и союзов СССР в советской историографии // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С. 114–123; Она же. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР. – М., 1983. – С. 126–147; Она же. Извольте быть благонадежны! Об отношении власти к обществу. – М., 1997.

⁴² Фортунатов В.В. Как произошло огосударствление общественных организаций в СССР / В поисках исторической истины. Л., 1990. – С. 28–47.

⁴³ Ильина И.Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. – М., 2000.

⁴⁴ Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). – М., 2010.

В целом историографическая ситуация характеризуется острой нехваткой современных работ, обобщающих опыт деятельности советских массовых обществ в поздний советский период и затрагивающих проблематику трансформации формата добровольной общественной организации в 1960–1980-е гг.

Необходимо отметить дефицит историографической информации по деятельности ВОК. На советском этапе была опубликована лишь одна генерализующая работа 1989 г., подготовленная Г.Ф. Гариным⁴⁵ в канун IV съезда Общества книголюбов. Современное же положение можно охарактеризовать как почти полное отсутствие интереса к истории ВОК в среде профессиональных историков. Исключением на этом фоне является ряд статей С.Ф. Бородуллиной⁴⁶, в которых подробно рассмотрена история региональной Удмуртской организации ВОК РСФСР.

Таким образом, в историографии пока остаются неразработанными многие аспекты, связанные с позднесоветскими культурной политикой и читательской культурой, социальным опытом советского человека, его участием в массовых добровольных обществах в 1960–1980-е гг. Институциональная история Общества любителей книги, реконструкция функционирования самого крупного объединения читателей, влияния этой структуры на читательскую культуру в период позднего социализма в данном диссертационном исследовании становится предметом научного изучения впервые.

Объектом исследования является институт массовых добровольных обществ в 1970–1980-х гг.

⁴⁵ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989.

⁴⁶ Бородулина С.Ф. Организационный период становления Удмуртского республиканского отделения добровольного общества любителей книги РСФСР. URL: <http://www.science-education.ru/118-14304> (дата обращения: 11.09.2021); Она же. Формы общественного книгораспространения как способ продвижения и пропаганды книжной продукции в Удмуртской АССР в 1974–1984 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – № 4 – С. 132–140; Она же. Деятельность общества любителей книги в условиях перестройки (на материалах Удмуртии) // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 17–24; Она же. Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии) // Вестник ВятГГУ. – 2016. – № 1. – С. 53-57.

Предметом выступает институциональная история Всесоюзного общества любителей книги в контексте читательской культуры позднего советского периода.

Хронологические рамки данной работы охватывают 18-летний период функционирования ВОК: с момента его создания в 1974 г. до упразднения организации в самом начале 1992 г. Особое внимание уделено существованию Общества в период «длинных» семидесятых, который остается якорным для определения характеристик позднего советского и, как правило, определяемых в границах середины 1960-х – середины 1980-х гг. В свою очередь, вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. являлись «тестом на выживание» для институтов, характерных для брежневизма. В том числе это был период трансформации ВОК в условиях нарастающего кризиса режима.

Территориальные рамки исследования включают четыре уровня: во-первых, всесоюзный; во-вторых, масштаб РСФСР; в-третьих, региональное измерение – Пермскую область (в некоторых случаях также привлекаются для сравнительного анализа факты из других регионов Российской Федерации); в-четвертых, пространство стран социалистического блока, поскольку Общество книголюбов выстраивало отношения с зарубежными общественными организациями в сфере чтения.

Цель работы – выявление институциональной специфики функционирования массовой организации в сфере чтения в контексте читательской культуры общества 1970–1980-х гг.

Задачи исследования:

- определить факторы, повлиявшие на динамику читательской культуры 1960–1980-х гг.;
- выявить основные параметры системы издания и распространения книжной продукции в поздний советский период;
- проанализировать ключевые характеристики позднесоветской читательской культуры, восприятие книги в обществе;

– установить обстоятельства создания и становления ВОК, реконструировать структуру книголюбской сети, основные принципы работы Общества как массовой организации позднего советского периода, в т.ч. режим контроля и влияния со стороны государства;

– проанализировать социальный состав членов ВОК, мотивы участия в делах Общества, форматы деятельности любителей книги, обусловленные формальными требованиями, а также инициативой простых книголюбов;

– рассмотреть принципы взаимодействия Общества любителей книги с подобными организациями из социалистических стран;

– выяснить особенности функционирования Общества книголюбов в контексте перестройки и на постсоветском этапе.

Теоретико-методологической основой исследования является синтез подходов и концепций. В работе используется институциональный подход, а именно теоретическое направление исторического институционализма (Д. Норт⁴⁷), который позволяет рассмотреть позднесоветскую читательскую культуру, организационные структуры ВОК, добровольное общество в целом как совокупность императивов, норм, ритуалов, пространство участия государства и простых людей. Этот подход направлен на выявление разницы между декларациями и практикой, учитывает неравенство потенциалов участников, контекст, поведение акторов, а также установленные правила⁴⁸. Кроме того, опорой для исследования выступают концепции перформативного сдвига, «сообществ своих», вненаходимости А.В. Юрчака.

Также в работе были использован ряд **методов**.

Так, историко-сравнительный метод позволил добавить в исследование компаративистский компонент: благодаря ему в работу включаются более широкие пласты контекстуального поля, с которыми можно сопоставить предмет изучения.

⁴⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность. – М., 1997.

⁴⁸ Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник БГУ. – 2014. – № 7–1. – С. 118.

Типологический метод, который помогает классифицировать многообразие практик, выделять критерии, позволяющие сортировать элементы деятельности книголюбов в особые группы.

Системный и структурный методы позволяют увидеть место ВОК в бюрократической сети через анализ статусов членов Общества за его пределами, так как чтение и участие в деятельности в организации являлось дополнением к другому списку занятий советских граждан. Кроме того, эти методы помогают рассмотреть ВОК как совокупность элементов, восстановить формальное строение большой организации, а также сеть неформальных связей.

В исследовании были использованы проблемно-хронологический подход к анализу исторических реалий, который помогает рассматривать проблемы прошлого в их логическом развитии, а также неформализованный качественный анализ, направленный на глубокое понимание источников и обеспечивающий особое внимание к историческому контексту.

В исследовании были использованы подходы к работе с источниками и их созданию, характерные для устной истории. Основным здесь является метод исследовательского интервью, которое представляет собой «смоделированную исследователем целенаправленную беседу о жизненном мире человека в контексте исторических событий, процессов, явлений или как целенаправленный опрос носителя информации о его эмпирическом опыте в контексте исторического прошлого с последующей трансформацией устного рассказа в письменный текст для последующей интерпретации»⁴⁹.

В свою очередь, методологической основой для анализа дискурсов ВОК послужила постструктуралистская теория политологов и философов Э. Лакло и Ш. Муфф. По мнению данных исследователей, все практики являются тотально артикулированными дискурсом⁵⁰. Артикуляция, в свою очередь, понимается авторами как процесс присвоения, установления и

⁴⁹ Щеглова Т.К. Устная история. – Барнаул, 2011. – С. 43.

⁵⁰ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008. – С. 84.

структурирования значения для знаков – «моментов»⁵¹. Позиции моментов обосновываются за счёт отличий друг от друга.

Источниковая база исследования включает несколько групп источников.

Во-первых, в основу исследования легли письменные документальные источники. Основную часть данной группы источников составляет делопроизводственная документация, которая хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-9650. Всесоюзное добровольное общество любителей книги, Ф. Р-5446. Совет министров СССР, Ф. Р-9604. Государственный комитет СССР по печати. Министерство информации и печати СССР и т.д.), Российского государственного архива новейшей истории (Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС, Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС), Пермского государственного архив социально-политической истории (Ф. 1. Пермский горком КПСС, Ф. 105. Пермский обком КПСС), Государственного архива Пермского края. Всего было исследовано более сотни дел, больше половины из них впервые вводятся в научный оборот.

Делопроизводственные документы позволяют реконструировать институциональный аспект истории ВОК, выявить характерные для его деятельности формальные и неформальные практики. К таким свидетельствам относятся: постановления и резолюции государственных и партийных органов, материалы канцелярии Центрального правления Общества и руководящих органов на местах, планы, отчеты и т.д.

Особую группу письменных источников составляют эго-документы – письма книголюбов с предложениями по работе Общества в вышестоящие инстанции. Эти источники позволяют охарактеризовать порядки, по которым жила организация книголюбов, процесс апроприации «правил игры» и дальнейшего освоения рядовыми членами пространства внутри формальных границ массовой организации.

Во-вторых, к источникам исследования относятся законодательные и другие нормативные акты. Их использование позволяет восстановить контекст,

⁵¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч. – С. 56.

в котором существовала читательская культура, функционировала книжная индустрия, обозначить правовые рамки деятельности Всесоюзного общества любителей книги в 1970–1980-е гг.

В-третьих, источниками исследования стали устноисторические свидетельства, раскрывающие особенности позднесоветской читательской культуры, образ Общества в повседневной жизни, восприятие его деятельности, как активными участниками движения, так и людьми, не вовлеченными в его работу, обстоятельства функционирования базовых организаций и т.д. Всего автором исследования собрано 22 глубинных интервью (2014–2021 гг.). В качестве респондентов выступили бывшие члены ВОК из Перми, Москвы, Самары, Иваново и других городов.

В-четвертых, в качестве источников были привлечены статистические, справочные, энциклопедические издания, содержащие сведения о читательской культуре, книжной индустрии и деятельности ВОК. Так ежегодные сборники «Печать СССР», которые издавались под эгидой Всесоюзной книжной палаты, а также «Народное хозяйство СССР», выпускавшиеся Центральным статистическим управлением СССР, предоставляют наиболее полный и комплексный материал, позволяющий проследить динамику позднесоветской книжной индустрии, читательской инфраструктуры на фоне деятельности которой разворачивалась работа ВОК.

Статистика о деятельности Общества книголюбов распределена по разным источникам. Отдельного внимания заслуживают опубликованные материалы съездов Общества (1974, 1979, 1984), так как они являлись поводом для подведения итогов, оценки работы ВОК, а также определения развития организации. Анализ материалов позволяет увидеть официальные образы организации, получить дополнительные статистические данные.

К этой же группе источников относятся опубликованные издания, отражающие и регулирующие повседневную деятельность членов ВОК: методические пособия, инструкции и сборники положений. К примеру,

«Краткий справочник книголюба»⁵² (в двух изданиях), посвященный в основном аспектам деятельности Всесоюзного общества книголюбов, благодаря статистическим данным, и пунктуации основных направлений деятельности советской книжной индустрии (сумма книгоиздательской и книготорговых сетей) и пр., интегрирует любителей книги в более широкий контекст.

В-пятых, в качестве источника используется периодическая печать, к примеру, еженедельная газета «Книжное обозрение». Созданная в 1966 г. как орган Госкомиздата, с 1974 г. она стала также изданием ВОК. В «Книжном обозрении» публиковались: официальные решения партийно-государственных структур и Общества книголюбов, изменения нормативной базы, отзывы и мнения читателей и издателей и т.д.

Другой печатный орган, связанный с ВОК – «Альманах библиофила» выходил с 1973 г. с периодичностью одна-две книги в год, включал в себя разные компоненты: заметки о знаменательных событиях в деятельности организации книголюбов, анализ и разбор произведений, литературную критику, художественные произведения.

Значимый материал содержит также другие союзные и местные периодические издания: информация о книголюбях регулярно появлялась на страницах всесоюзных изданий, к примеру, газеты «Советская культура», а также местных, к примеру, пермских областных («Звезда»), районных и городских («Вечерняя Пермь» и др.) газет, прочих периодических материалов («Блокнот агитатора» и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что институциональная история Общества книголюбов впервые проанализирована комплексно, от основания до завершения проекта. Деятельность ВОК рассмотрена в контексте читательской культуры, социально-экономической и социально-культурной истории 1970–1980-х гг. Диссертационная работа позволяет по-новому посмотреть на проблемы, обозначенные в историографии

⁵² Краткий справочник книголюба. – М., 1976.

позднесоветского социального опыта, читательской культуры и деятельности массовых добровольных обществ в 1970–1980-е гг. Кроме того, введен в научный оборот большой массив документальных свидетельств из архивов, связанных с политикой государства в сфере чтения, деятельностью массовых организаций, с практиками контроля и управления обществом в контексте идеологической и экономической монополии в поздний советский период. На основе документальных архивных свидетельств дана интерпретация многообразию позднесоветских читательских практик в контексте деятельности Общества книголюбов. Реконструированы механизмы адаптации позднесоветской массовой организации к трансформации социально-экономических отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на примере Общества книголюбов. Проанализирована деятельность Общества любителей книги в сравнении с читательскими организациями стран Восточной Европы.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Повышение благосостояния, улучшение бытовых условий, развитие образования и рост числа грамотных вместе с увеличением доли свободного времени в 1960–1970-е гг. выступили катализаторами эволюции читательской публики и способствовали появлению новой читательской культуры в поздний советский период.

2. Чтение, будучи массовой практикой, присваивалось советскими людьми, и всё меньше контролировалось со стороны властных институтов. Одним из последствий этого стало снижение востребованности публичных библиотек, массовый рост домашних книжных коллекций. Прочитанное являлось предметом социального отличия, накопления и спекуляции, социальным капиталом, книга – символом знания и моды.

3. Представители власти знали об изменениях предпочтений читателей, но не готовы были кардинально менять принципы функционирования сферы чтения. Главной проблемой являлся книжный дефицит. Несколько инициатив в середине 1970-х годов должны были изменить положение и повысить степень управляемости процессов: более активное изучение читательского спроса,

налаживание системы предварительных заказов, макулатурный эксперимент. К ним относится создание ВОК.

4. Структура общества любителей книги была создана сверху, при непосредственном участии государственных и партийных органов. ВОК интегрировала и масштабировала прежние легальные низовые инициативы в сфере чтения: клубы читателей, народные книжные магазины и т.д.

5. Новое добровольное общество должно было стать еще одним организатором чтения, сократить дистанцию между режимом и читателями: повысить роль массовых библиотек, смоделировать читательский вкус советских людей с помощью мероприятий, связанных с идеологией.

6. Организация любителей книги пропагандировала модель чтения, которая подразумевала вовлечение в общественный оборот книг из домашних библиотек, но мотивы обобществления не нашли широкой поддержки у участников Общества в условиях середины 1970-х – начала 1980-х гг.

7. Общество книголюбов за короткое время стало одной из самых массовых организаций. Мотивы вовлечения советских читателей в ее деятельность были различными: от бюрократической мобилизации, до творческой самореализации, от доступа к дефицитной литературе до культурного активизма и т.д.

8. Опыт обществ читателей, а также организаций, связанных с книгами, характерный для социалистических европейских стран, отличался от ситуации в СССР. Зачастую их работа была направлена на стимулирование сбыта книг, в то время как Всесоюзное общество книголюбов официально не было связано с книготорговлей.

9. Организация, подобная обществу книголюбов, могла существовать только в условиях позднего социализма. Слом института надзора и цензуры в книгоиздании, изменение принципов экономики, исчезновение привилегированного положения в системе распределения, падение советского режима привели к ликвидации ВОК.

Практическая значимость исследования. Выводы и положения диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения позднего советского общества, социально-экономических и социально-культурных срезов истории, а также для преподавания новейшей истории России, подготовки и создания учебных курсов и программ.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены на пяти научных конференциях и форумах: международных (Научная конференция «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков», 2018; Научная конференция «1990-е. Социальная история России», 2019) и всероссийских (Научно-исследовательская конференция «Актуальные девяностые: региональная культура и социум в эпоху перемен», 2018; Научный форум «Человек, общество, культура: современное и историческое измерения», 2019; Научно-практическая конференция «Благотворительность и меценатство в России: исторический опыт и современные тенденции», 2019). Результаты работы отражены в 14 публикациях, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК, два из которых входят в международные реферативные базы данных (Web of Science и Scopus).

Структура работы состоит из введения, трех глав, списка источников и литературы, заключения, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении работы обоснованы ее актуальность, степень изученности выбранной темы, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, методологическая основа, дана характеристика используемых типов источников, раскрыта теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «**Читательская культура и государственная политика в сфере печати в 1960-е – первой половине 1980-х гг.**» проанализированы

основные принципы и характеристики позднесоветской читательской культуры, система отношений между разными участниками сферы чтения, восстанавливается контекст принятия решения о создании ВОК.

В первом параграфе *«Факторы складывания позднесоветской читательской культуры»* рассматриваются источники, повлиявшие на формирование читательских аудиторий в 1960–1980-е гг.

Курс на возрастание благосостояния граждан, обеспечение всеобщей грамотности, урбанизация и расширение доступа к благам городской культуры, рост доли свободного времени, развитие сети телекоммуникаций становились предпосылками к развитию и активизации читательской культуры. В то же время эти меры были свидетельством изменения государственной политики, приводившей к размыванию однородного социального пространства.

Во втором параграфе *«Система издания и распространения печати в 1960–1980-е гг.»* подвержены анализу основные принципы функционирования, а также изменения сети выпуска и дистрибуции печатной продукции в позднее советское время.

Во второй половине 1960-х – 1980-х гг. издательства, несмотря на высокую нагрузку на оборудование и нехватку бумаги, выпускали всё больше и больше наименований книг. Доля общественно-политических изданий снижалась, напротив, тиражи художественной литературы росли. Местные издательства выпускали популярные книжные серии, отдельные издания, связанные с бытом, локальной культурой и т.д.

Главный институт первичной читательской социализации и «руководства» чтением – публичная библиотека с начала 1960-х гг. в силу низкой укомплектованности актуальной для читателей литературой, несмотря на номинальный рост круга посетителей, теряла своё значение. Её работа была адресована неискушенным читателям. Массовый позднесоветский читатель был в этом отношении уже более продвинутым и уходил от предписанных репертуара и текстов.

Действия государства были непоследовательными, запоздалыми и фрагментарными. Ярким примером кризиса стал макулатурный эксперимент, запущенный в середине 1970-х гг. Он дополнительно высветил отложенный спрос населения на издание ряда жанров. Однако большая часть читателей страны была исключена из аудитории проекта. Стимулирование с помощью востребованных книг к сбору вторсырья являлось примером использования рыночных инструментов в плановой экономике, а также подтверждением самостоятельности читательских аудиторий.

В третьем параграфе *«Позднесоветские читатели в зеркале социологии»* на базе выводов исследований, относящихся к направлению социологии литературы, а также материалов устных интервью выстраивается портрет читателя 1960–1980-х гг., анализируются читательские практики и их восприятие со стороны официальных институтов. Значимое место литературы в жизни общества в этот период, помноженное на ограниченное монопольное предложение государства и дисбалансы системы издания и торговли, приводили к появлению неформальных феноменов, таких как черный рынок, блат, спекуляция, продажа книг с «нагрузкой», мода на региональные издания и т.д. Часто книга из предмета чтения становилась объектом престижного потребления, статусным дефицитным товаром. Читатели все чаще ориентировались на ближний круг в подборе литературы, вместо предписанного сверху «рекомендательного» списка изданий, создавали неформальные сообщества читателей.

Вторая глава **«От инициативы до третьего съезда (1973–1984 гг.): Всесоюзное общество книголюбов как массовая советская организация периода “длинных” семидесятых»** посвящена изучению обстоятельств становления Общества, практик, характерных для деятельности структуры книголюбов, ВОК как инструменту влияния на читательскую среду и решения проблемы книжного дефицита.

В первом параграфе *«Институциональное становление организации книголюбов»* рассмотрены характерные черты советского массового

добровольного общества, специфика организационного периода ВОК, процесс складывания структуры книголюбов во всесоюзном масштабе.

Институт массовой добровольной организации стал формироваться уже в 1920-х гг. Работа части из обществ имела целью социальную мобилизацию в духе милитаризма, патриотического и спортивного воспитания. В послевоенный период задачи социальной мобилизации оставались актуальными в контексте Холодной войны, но новые структуры были менее милитаризованными: во вторую половину 1940-х – начало 1950-х гг. общества учреждались с целью пропаганды идеологии, популяризации науки и знаний, формирования тематических, профильных профессиональных сообществ.

Общим местом в работе массовых организаций в позднесоветский период оставались контроль государства и партийных органов, обязательные, обусловленные идеологией практики, внешняя атрибутика и символы, формальное членство и система взносов, централизованная штатная бюрократия и т.д. Многочисленные предписания и жесткие рамки, однако, не исключали вклада рядовых членов в деятельность добровольных обществ. Участие граждан в делах организаций позволяло массовым объединениям становиться гибридным пространством, где пересекались интересы простого человека, государства и общества. Являясь членом того или иного общества в 1960–1980-е гг. советские люди обменивали лояльность на автономию сферы своих интересов.

Решение о создании Общества любителей книги было принято на уровне высшего политического руководства страны в ноябре 1973 г. Организационные мероприятия растянулись на 1974–1975 гг. Они включали создание добровольных обществ книголюбов во всех советских республиках, формирование бюрократической структуры, сети первичных ячеек на местах, набор индивидуальных и коллективных членов, проведение учредительных конференций и съездов, разработку и утверждение Устава, документации, атрибутики движения, штатного расписания и т.д. Поддержку и контроль

на всех этапах новой организации осуществляли партийные и советские органы.

Новое массовое добровольное общество вбирало в себя уже существующие низовые инициативы: клубы читателей, народные книжные магазины и т.д. ВОК должна была бороться с несовершенствами не только системы издания и торговли, но и стать ещё одним «руководителем» чтения.

Во втором параграфе *«Развитие ВОК: экономическая модель, форматы деятельности и практики»* рассмотрены принципы, на которых была построена система финансового обеспечения Общества; направления его деятельности (публичные лекции и мероприятия, работа предприятий ВОК, народных университетов и магазинов, клубов книголюбов).

Главным экономическим ориентиром для Общества книголюбов являлась самоокупаемость деятельности. Вследствие этого финансовая модель ВОК базировалась на участии как можно большего числа граждан и организаций. Изначально организация попала в зависимость от отчислений предприятий и учреждений. Позже доход ВОК всё больше формировался за счет взносов любителей книги и развития платных видов деятельности.

ВОК выступило катализатором ранее начавшихся процессов: количество клубов читателей, народных книжных магазинов и университетов увеличилось кратно в сравнении с 1960-ми гг. ВОК также включалось в сети распределения литературы, перенимало негативные черты и практики советской книготорговли.

Общество книголюбов стало пространством компромисса, местом пересечения интересов советского человека, бюрократии массовой организации, государства и коммунистической партии. Номенклатура Общества заботилась об экономическом благополучии структуры и соответствии дел организации плановым показателям, а также идеологическому курсу. Книголюбы участвовали в силу комплекса причин: кто-то получал дополнительные знания и навыки в народных университетах, посещал лекции, творческие встречи, мероприятия Общества. Другие были участниками клубов, организовывали

читательские конференции и т.д. Иные видели в Обществе дополнительную возможность приобрести книгу. Книголюбы-активисты искали в организации возможности к самореализации, получали автономию, которая не являлась широкой и была ограничена идеологией. Как правило, мотивы пересекались друг с другом, выстраивая персональные комбинации отношения к ВОК у участников. В то же время, часть любителей книги платила взносы, но не принимала участия в делах Общества.

Государство и партия получали дополнительное подтверждение лояльности со стороны граждан, т.к. книголюбы вовлекались в обусловленную идеологией деятельность. Они же дополняли её своим содержанием. Поэтому, к примеру, лекционная программа Общества представляла собой микст из тем общекультурной, книговедческой и официозной направленностей.

Третий параграф *«Домашняя библиотека в дискурсе ВОК как способ изменить читательскую культуру»* посвящен анализу кампании по вовлечению личных библиотек в общественный оборот как дискурсивному конструкту, состоящему из текстов о читателях и личных книжных собраниях, которые выходили под эгидой ВОК либо были посвящены членам Общества.

Домашняя библиотека выступала в качестве узловой точки дискурса организации. Он содержал ответы на вопросы о сохранении книги, о рациональной структуре собрания, о том, как сделать из своего дома открытую библиотеку, но оставлял в стороне многое другое. За пределами оставались актуальные для 1970–1980-х гг. явления читательской культуры: неудовлетворительная работа публичных библиотек, книжных магазинов, неформальные практики распространения книги, существование нелегальной литературы и т.д. В то же время символическое и эстетическое значение книги, сложившиеся приоритеты в составлении личных коллекций, собирательство и коллекционирование по отдельным тематикам также находили свое оправдание внутри дискурса ВОК. Это был шаг навстречу простому советскому читателю со стороны власти, свидетельство компромисса между ними.

В методической литературе ВОК в приоритет возводились такие качества книголюбов и социальные категории, как рациональность, коллективизм, сознательность, полезность и благородство. Как базовые рекомендовались практики, характерные для публичных библиотек. Вместе с воображаемыми образами книголюбов, методисты ВОК артикулировали модель потребления книги и чтения, которая основывалась на культуре взаимного участия и находила свое выражение в обобществлении книжных богатств.

В третьей главе **«Общество любителей книги перед лицом альтернатив и перемен»** рассматриваются характеристики деятельности Общества на фоне книголюбских организаций из социалистических стран, а также анализируется деятельность ВОК в условиях перестройки и 1990-х гг.

В параграфе *«Организация советских книголюбов в пространстве Восточного блока»* проанализированы принципы работы читательских объединениях социалистических стран через призму плановой и отчетной документации советской организации книголюбов в 1974–1984 гг.

Отчёты о зарубежных контактах ВОК свидетельствуют о неоднородности читательских и более широко – культурных практик в странах социализма. Посланники Общества скрупулёзно фиксировали характеристики работы зарубежных читательских объединений, давали им оценку, выступали с позиций представителей модельной для стран Восточного блока советской институции. Большинство обнаруженных представителями ВОК практик сферы чтения в социалистических странах являлись потребительскими. Учитывая перманентную проблему дефицита и нехватки ресурсов, ВОК не могло официально декларировать такую ориентацию – это не соответствовало идеологии организации. Дискурсивно подчеркивался особый путь развития чтения в СССР, что было не только способом умолчать о проблемах, обосновать советскую культурную политику, но и продемонстрировать ее превосходство над рыночными элементами в сфере чтения в Польше, Венгрии и Чехословакии.

Во втором параграфе *«Кризис и распад Всесоюзного общества книголюбов в контексте перестройки и краха советской системы (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.)»* разобраны обстоятельства функционирования организации в условиях перестройки и начала постсоветского этапа.

Работа Всесоюзной организации книголюбов с началом перестроечных реформ претерпевала ограниченные изменения. Гарантии государства в обмен на лояльность книголюбов к идеологии обеспечивали прочное положение ВОК в дефицитарной читательской культуре середины – второй половины 1980-х гг. Наибольшую гибкость в условиях возрастания частной инициативы проявили представители бюрократического аппарата Общества на уровне советских республик и регионов. Участие отделений книголюбов в хозрасчетной деятельности, кооперативном движении могли приносить средства, эквивалентные сборам членских взносов и деньгам от плановых мероприятий. Отсутствие свободного книжного рынка вместе с отложенным спросом делали положение ВОК в новых условиях еще более выгодным.

Всесоюзное общество книголюбов прекратило своё существование в начале 1992 г. в качестве единой организации. Республиканские и региональные отделения были предоставлены сами себе. Падение режима, исчезновение протекции со стороны властных институтов вместе с наступлением рынка являлись главными вызовами для книголюбов. Большинство организаций не выжили в новых условиях и исчезли в течение 1990–2000-х гг. Редкая успешная адаптация проходила во многом на фоне сознательного безболезненного отказа от принципов и форматов, характерных для советских добровольных организаций: массовости, тотальной представленности на местах, большого штата и системы добровольных взносов и т.д. Это позволило существующим ныне региональным отделениям эволюционировать из буферного пространства между государством и обществом в один из элементов современного некоммерческого сектора.

В **заключении** подводятся итоги работы. Создание новой большой структуры в сфере чтения было реакцией государства на изменения

читательской культуры, демонстрировало кризис формальных институтов, где сталкивались интересы государства и общества. Созданное по инициативе политического руководства страны. Оно было встроено сверху в читательскую культуру и вобрало в себя уже существующие читательские инициативы.

Реальная деятельность ВОК выходила за рамки изначально предписанного функционала. Из инструмента реформовки «нового» читателя и регулирования сферы чтения организация книголюбов трансформировалась в гибридный институт, новую среду читательской коммуникации, которая не имела четких границ с другими читательскими институциями, а также общественными организациями, что приводило к пересечениям в деятельности, высокой степени заимствования практик, в том числе негативных, размытости образа организации, состояла из множества локальных, не связанных друг с другом читательских сообществ, групп по интересам, ситуативных потребительских объединений, объединенных общей бюрократией, вмещала зоны формальных и неформальных, легальных и полуправильных, коллективных, полуприватных и приватных практик.

Общество как массовая структура выступало не только пространством формальных ритуалов, центром по сбору взносов, генерации отчетов и предписаний, оценки и контроля действий книголюбов. Институциональная специфика ВОК заключалась в том, что, несмотря на официальные установки, направленные на унификацию читательских практик, Общество стало новой организационной средой для низовых инициатив, масштабировало разные форматы работы с книгой, выступило ресурсным и методическим центром для книголюбов-активистов, катализатором индивидуализации читателей, эволюции и автономизации читательской культуры. Вне позднесоветского контекста подходы к работе Общества книголюбов оказывались неактуальными и невостребованными.

Таким образом, институциональная история Всесоюзного общества любителей книги демонстрирует, что в 1970–1980-е гг. возникновение автономий и теневых зон в границах поддерживаемых и создаваемых советской

властью институтов в период позднего социализма было способом самосохранения и залогом стабильности режима, компромиссом и предметом негласного договора государства и коммунистической партии, с одной стороны, и общества с другой.

Советские люди всё чаще воспринимали чтение как досуг, развлечение и путь к культурному саморазвитию, а не источник воспитания, политической грамотности и способ инкорпорирования в социальные пространства, обусловленные официальными практиками. Чтение становилось не столько коллективной, контролируемой практикой, сколько индивидуализирующей и автономной.

Советские люди становились обладателями ограниченной свободы действий и социальных бонусов при условии принятия доминирующих в СССР принципов идеологии, политэкономии и администрирования. Режим, в свою очередь, получал возможность опираться на эти принципы без их радикальной трансформации.

В поздний советский период меняющаяся читательская культура характеризовалась нарастающей самостоятельностью аудиторий читателей, что не согласовывалось с властными ориентирами регулирования и контроля, предписанными сверху сценариями и алгоритмами социализации. На этом фоне форматы родом из довоенного периода, такие как институт массового добровольного общества, все менее отвечали реалиям новой эпохи.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы.

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Матвеев, Е.В. «Юные друзья книги» в Обществе книголюбов: работа позднесоветской массовой организации со школьниками / Е.В. Матвеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 217–223 (0,8 п. л.).

2. Матвеев Е.В. Читательские объединения в странах социализма как сфера интересов Всесоюзного общества книголюбов / Е.В. Матвеев // Вестник Пермского университета. История. – 2021. – № 3 (54). – С. 141–153 (1,3 п. л., **Web of Science, Scopus**).

3. Матвеев Е.В. Членские взносы в истории Всесоюзного общества любителей книги: экономика и идеология позднесоветской массовой организации / Е.В. Матвеев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 104–114 (0,6 п. л., **Web of Science**).

Публикации в других изданиях:

4. Матвеев, Е.В. Преемники советского общества любителей книги в 1990-е гг. (на материалах организации книголюбов Пермской области) / Е.В. Матвеев // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы Всероссийской научной интернет-конференции (1–20 февраля 2015 г.). – Иркутск: Издательство ИГУ, 2015. – С. 274–277 (0,2 п. л.).

5. Матвеев, Е.В. Позднесоветский «новый читатель»: отношения с государством / Е.В. Матвеев // Вестник молодых ученых Пермского государственного национального исследовательского университета: Сборник научных трудов. – Пермь: ПГНИУ, 2015. – С. 247–251 (0,15 п. л.).

6. Матвеев, Е.В. Всесоюзное общество книголюбов как пример синтеза официального и неформального в рамках советского социума / Е.В. Матвеев // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы девятой международной конференции студентов и аспирантов (16–18 апреля 2015 г.). – СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 123–130 (0,35 п. л.).

7. Матвеев, Е.В. «Зачем скучать “добровольно”?»: дискуссия на страницах газеты «Книжное обозрение» как попытка изменить деятельность общества книголюбов в условиях перестройки / Е.В. Матвеев // Вестник молодых ученых Пермского государственного национального исследовательского университета: Сборник научных трудов. – Пермь: ПГНИУ, 2016. – С. 203–208 (0,2 п. л.).

8. Матвеев, Е.В. «Что нужно для домашней библиотеки?»: Всесоюзное общество книголюбов как пространство взаимодействия власти и советского общества 1970–1980-х гг. / Е.В. Матвеев // Общественные практики: уроки истории и современные тренды: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2016 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 280–283 (0,1 п. л.).

9. Матвеев, Е.В. Клубы книголюбов как пространство взаимодействия общества и власти в 1970–1980-е годы / Е.В. Матвеев // Города и местные сообщества. – Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2017. – Т. 2. – С. 30–38 (0,35 п. л.).

10. Матвеев, Е.В. Книжная культура советских городов и сел сквозь призму деятельности Всесоюзного общества любителей книги в 1970–1980-е годы / Е.В. Матвеев // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (4–7 октября 2018 г.). – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. – Т. 2. – С. 155–157 (0,15 п. л.).

11. Матвеев, Е.В. Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов / Е.В. Матвеев // *Magistra vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2018. – Т. 1. – С. 85–98 (1,1 п. л.).

12. Матвеев, Е.В. Домашняя библиотека в дискурсе Всесоюзного общества любителей книги как ресурс для решения проблем книжного дефицита в поздний советский период / Е.В. Матвеев // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. – 2019. – №1 (15). – С. 194–201 (0,4 п. л.).

13. Матвеев, Е.В. От обобществления к благотворительности: эволюция дискурса Всесоюзного общества любителей книги (1974–1992) / Е.В. Матвеев // Благотворительность и меценатство в Пермском крае:

исторический опыт и современные тенденции. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – С. 117–126 (0,4 п. л.).

14. Матвеев, Е.В. Всесоюзное общество любителей книги в пространстве онлайн- и офлайн-памяти / Е.В. Матвеев // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 101–114 (1,2 п. л.).

Подписано в печать 29.03.2022 г. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 1,98. Тираж 100 экз. Заказ 56

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
